

Андрей БЕЛЫЙ

Правда о русской интеллигенции

По поводу сборника «Вехи»

«С русской интеллигенцией в силу положения ее случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости... парализовала любовь к истине...» (Бердяев). «Интеллигенция не хочет допустить, что в личности заключена живая творческая энергия, и остается глуха ко всему, что к этой проблеме приближается...» (Булгаков). «Свободны были... наши великие художники, и, естественно, чем подлиннее был талант, тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской... морали...» (Гершензон). «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности» (Кистяковский). «Отрицая государство, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала рационального и эмпирического...» (Струве). «Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента...» (Франк). «Средний массовый интеллигент... большей частью не любит своего дела и не знает его. Он — плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист...» (Изгоев).

Вышла замечательная книга «Вехи». Несколько русских интеллигентов сказали горькие слова о себе, о нас; слова их проникнуты живым огнем и любовью к истине; имена участников сборника гарантируют нас от подозрения видеть в их словах выражение какой бы то ни было провокации; тем не менее печать уже над ними учинила суд; поднялся скандал в «*благородном семействе*»; этим судом печать доказала, что она существует не как орган известной политической партии, а как выражение внепартийного целого, подчиняющего стремление к истине идеологическому быту; поднялась инсинуация: «Вехи»-де, шаг направо, тут, де, замаскированное черносотенство; пе-

чать ответила авторам «Вех» не добросовестным разбором их положений, а военно-полевым расстрелом сборника; тем не менее «Вехи» читаются интеллигенцией: русская интеллигенция не может не видеть явной правдивости авторов и красноречивой правды слов о себе самой; но устами своих глашатаев интеллигенция перенесла центр обвинений с себя, как целое, на семь злополучных авторов. Элемент самогипноза всегда присутствовал в русской интеллигенции; она права всегда и во всем; русская революция удалась, русский марксизм не переживает никакого распада, Лавров и Елисеев трезвее Гоголя, Толстого, Достоевского; никакого Азефа¹ не было — мы во всем правы; а если был Азеф, если русская революция не удалась, если Гоголь, Толстой, Достоевский заблудились в исканиях, — виноваты вы, авторы «Вех». Приходится согласиться с Бердяевым, что у апологетов русской интеллигенции парализована любовь к истине. Допустим, что правы голоса апологетов русской интеллигенции, а авторы «Вех» во всем заблуждаются; но, во-первых, интеллигенция, как умственно привилегированное сословие, не нуждается в оправдании; у нее много заслуг перед русским народом: умение жертвовать собой, страдать и не отречься от своих идеалов; но тут нет еще элемента созидания, нет действительности. Несправедливым судом над «Вехами» русская печать доказала, что она недопустимо пристрастна; авторы «Вех» и не думали вовсе судить интеллигенцию; они указали лишь на то, что препятствует русскому интеллигенту из раба отвлеченных мечтаний о свободе стать ее творцом; но, оказывается, авторы «Вех» не имели на это никакого права, несмотря на то что Булгаков, Бердяев, Струве одни из первых действительно пережили ту идеологию, которая впоследствии стала идеологией чуть ли не всей русской интеллигенции²; казалось бы, следовало принять во внимание личности авторов «Вех», чтобы понять, что горькая правда осуждаемых статей — не суд, а призыв к самоуглублению. Но ни личности авторов, ни призыв к самоуглублению ничего не говорят «военно-полевому суду» от интеллигенции; личности, доводы тут ни при чем. Глубоко прав С. Н. Булгаков, когда утверждает: *«Интеллигенция не хочет, допустить, что в личности заключена живая творческая энергия, и остается глуха ко всему, что к этой проблеме приближается...»* Интеллигенция — эта духовная буржуазия — давно осознала себя как класс; остается думать, что идеологи ее часто бывают ею инспирированы; ведь она пишет себе самой и о себе самой; пресса — угодливое зеркало русской интеллигенции; еще недавно правдивое, теперь,

когда лучшие представители ее лишены возможности свободно высказываться, зеркало это стало зеркалом хамским; реакция и усталость развратили прессу; в негодовании прессы по поводу выхода «Вех» слышатся иногда те же ноты, какие слышатся в негодовании лицемерных развратников при виде наготы; нагота, в которой предстают нам подчас слова авторов «Вех», должна раздражать развратных любителей прикровенного слова: прикровенное слово сперва извратило смысл статей Бердяева, Гершензона, Струве и др., а потом совершило над ними варварскую расправу.

В отношении к «Вехам» нет свободы суждений; есть боязнь быть заподозренным в ретроградстве; истинная свобода, как и любовь, не имеет страха; она исповедует себя открыто. Мы устали от двусмысленных экивоков по поводу *«нашего положения»*; если мы сами не сумели *«создать себе положение»*, мы должны перевоспитать себя; мы должны повысить уровень русской культуры; культура и свобода — синонимы; русская интеллигенция, считая себя носительницей свободолюбивых идей, и относилась и относится часто с недопустимым варварством к культурным ценностям; мы, напротив, не ценим ценностей философских; беззаветная отдача задачам искусства встречает со стороны интеллигенции — молчаливое осуждение, а со стороны развратной прессы — травлю и улюлюканье. Мы прежде всего не знаем, что есть интерес к вопросам теоретической философии, и вовсе не знаем мы, что есть искусство. И потому-то тысячу раз прав М. О. Гершензон, когда говорит: *«Свободны были... наши великие художники, и, естественно, чем подлиннее был талант, тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской морали»*. Наши художники знали и знают, что надо всей их деятельностью учрежден сыск; добровольные сыщики от общественности и провокаторы прессы, руководимые каким-нибудь Азефом журналистики, освиствуют гоголевскую «Женитьбу», чтобы потом встать на защиту этой «Женитьбы» перед больным, умирающим Гоголем; так же впоследствии провокаторы эти, под предлогом гоголевского юбилея, не стесняются устроить скандал Брюсову; и развратная пресса рукоплещет скандалу; а общество? В эпоху создания Пушкиным наиболее зрелых своих произведений оно утверждает, что Пушкин уже устарел; в эпоху создания Толстым «Войны и мира» общество холодно относится к мировому художнику. Интеллигенция ныне возымела к искусству интерес; но интеллигенция совершенно не интеллигентна в вопросах искусства; тем не менее мнения ее — узаконяются лицемерной прессой; всякое же

самостоятельное суждение подвергается недолгой расправе; интеллигент, например, читает «Вехи» и чувствует правду; но у него нет мужества сознаться; интеллигент привык к тому, что у него есть идейные приживальщички; эти идейные приживальщички завтра отделают под орех «Вехи», и интеллигент свободней взойдет³; его тревога успокоится под трескотню дифирамбов, которые польются по его адресу в прессе. Интеллигент читает газеты и умиляется: в таком ангелоподобном виде он там изображен: он — вершина истории, спаситель России, мерило всех эстетических и умственных ценностей; ему известны идейные запросы деревни, хотя бы всю жизнь не выезжал он из города: для чего же ему учиться, когда и так все он знает: а вот результаты всеведения: «Великий Азеф... начал свою карьеру с того, что украл несколько сот рублей, но так как он объяснил, что деньги эти нужны были ему для продолжения образования, и занял в общественной жизни крайне левую позицию, то ему все простили, отнеслись к нему с полнейшим доверием» (Изгоев).

Доверие к Азефам русской действительности и военно-полевая расправа над всем оригинальным, вдумчивым, самостоятельным — из одного общего корня: стадности при отсутствии правосознания; поэтому прав Б. А. Кистяковский, когда утверждает, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности.

Отношение русской прессы к «Вехам» унизительно для самой прессы; как будто отрицается основное право писателя: правдиво мыслить; с мыслями авторов «Вех» не считаются; мысли эти не подвергаются критике: их объявляют попросту ретроградными, что равносильно для русского интеллигента моральной недоброкачественности; тут применима система застраживания и клевета.

Я не стану касаться разбора этой замечательной книги; она должна стать настольной книгой русской интеллигенции.

Я хотел только отметить ее участь: «Вехи» подверглись жестокой расправе со стороны русской критики; этой расправе подвергалось все выдающееся, что появлялось в России. Шум, возбужденный «Вехами», не скоро утихнет; это — показатель того, что книга попала в цель.

(Весы. 1909. № 5. Май. С. 65—68)

